

Аль Квотион

Слово, которого нет

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
К32

Квотион А.

Слово, которого нет / Квотион А. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 185 с.

ISBN 978-5-532-94720-7

Слово, которого нет — это произведение о среднестатистической семье, сталкивающейся с проблемами непонимания, невнимания друг к другу и прочими конфликтами, приводящими к утрате душевной гармонии. В отличие от многих современных книг, на помощь героям не приходит чудо, им приходится самим переосознавать себя и жизненные ценности на пути к человеческому счастью. Повесть не уводит читателя от реальности, а толкает к узнаванию себя и дает понять, что решение самых обыденных, казалось бы, непроходящих бед в его собственных руках.

ISBN 978-5-532-94720-7

© Квотион А., текст, 2015
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Предисловие	5
Слово, которого нет	6
Часть 1	6
Часть 2	21
Часть 3	40
Эпилог	58
Рассказы	63
Пролог	63
Письмо без подписи	65
Мир слепых	68
Сны	70
Плохой ангел	72
Я не любил ее	74
Блюз	77
Поэт счастья	79
Философский камень	81
Вселенная и кабачок	83
Бульварный художник	84
Хобби или Философия маньяка	87
Актриса	89
Человек, который искал счастья	92
Черный день	96
Паразит	99
Вытирайте ноги	101
В одной лодке	105
Чистота – залог здоровья	108

Светлячок	110
Всегда дети	112
Любовь человека	114
Четыре кошки	116
Писатель	118
Вечность в комнате	122
Бессмертная музыка	127
Город дождя	130
Последний старожил	133
Жизнеописание лирика	135
Разные миры	137
Смысл жизни	141
История о любви	144
Разговор с Богом	147
Смотритель Вавилонской башни	149
Вор	153
Коллекционер дорог	155
Письмо в будущее	160
Эскиз скуки	163
Цикл Рассказов "Дом у дороги"	166
1. Побег	166
2. Приворотное зелье	170
3. Холсты	175
4. Единственный друг	178
5. Эпилог	181

Предисловие

Каждая книга, на мой взгляд, должна иметь смысл. Какие-либо цель, посыл, наказ или мораль, превышающие бестолковое и пустое желание высказаться о себе, выговориться, превращая литературу в словоблудие. Мало просто сказать, важно знать, что ты говоришь, кому и зачем. Отвечая на эти вопросы, автор создает книгу.

Цели могут быть разными. Это могут быть наболевшие, звенящие в голове мысли, которые важно произнести, которые могут стать опорой в понимании мира, новым взглядом на него, вскрывающим то, что раньше было в тени. Это могут быть послы к нашей человечности, формирующие моральный фундамент совести и добра. Или создание сказки как удовлетворение моральной потребности людей, уставших от повседневности, загнанных бытовухой в бесцветную, скучную жизнь. Дар офисному клерку – чувства бесшабашного геройства с мечом в руке, пульсирующей в висках крови и воинственного хохота в жерло судьбы.

Первая моя книга, большей частью, была именно такой. Сказкой. Историей о любви для ностальгирующих о ней. Подростковое желание влюбить в себя мир, разбавленное отдельными размышлениями и множеством романтических оговорок. «Запчасть Импровизации» стала сборником чувств и метаний, в которые хочется попасть. Она была ранней, в чем-то наивной, но в чем-то важной.

С тех пор я изменился. И основной посыл новой книги, как и я, стал другим. «Слово, которого нет» – это уже не сказка о любви, это попытка понять мир, привычный каждому. Это желание сказать другим людям их самих. А сказать – значит понять. Это сформулированные в текст судьбы, это мы в формате слов сквозь призму одной субъективности. Не знаю, удалась ли мне эта попытка, смогу ли я объяснить кому-либо его самого, помочь понять данность, лежащую на поверхности, но ускользающую от глаз. Понять и, может, в чем-то изменить, что-то переосмыслить. В любом случае, я попытался.

Слово, которого нет

Часть 1

Открываю утром газету, читаю заголовки, наискосок пробегая улыбки букв под ними. Как всегда, все плохо, а завтра станет еще хуже. И очередной конец света. Такое ощущение, что во всех предсказаниях конца света – надежда. Вдруг все же закончится, вроде пора уже, сколько можно? Надежда и страх. Заканчивайся уже, только скажи мне, что будет со мной, когда ты закончишься. В этот момент встают в полный рост разношерстные верования и религии, обещаая испуганному человеку: «ты будешь, ты продолжишься, ты не исчезнешь!». И люди хватаются за это обещание как за спасательный круг. Только человек способен бояться перспективы. Но пока мы сходим с ума, запасая консервы в кладовке на случай конца света, агонируя искаженностью разума в перекошенных верой лбах, растекаясь пустоглазыми песнопениями у все новых идолов, не способных никого спасти, мир остается спокойным. Он живет, растет, цветет, молчит, дышит, непоколебимой опорой продолжая в себе всех нас. И в день, когда погаснет Солнце, Земля будет все так же по-матерински милосердно улыбаться своим детям. А мы разумны, мы боимся. Но что это за разум, который порождает страх? Тот ужас, заставляющий живьем закапываться под землю и сжигать себя на площадях в психованном ожидании того, что так и не наступает.

Читаю дальше, а там гороскоп. Телец, ну точно про меня. Хотя рыбы тоже подходят. Да и овен мне близок. А недавно наткнулся в сети на рассказ, а там про нас с женой. Слово в слово. Как будто автор этого произведения обладает уникальной возможностью подглядывать в окно. И делает это постоянно, словно бы наша жизнь – невиданное зрелище, равного которому нет больше нигде. Вчера вот тоже смотрел телевизор, ну как знали, все про меня рассказали как есть. Да и когда гуляю я по магазинам, вчитываясь в рекламу, складывается порой ощущение, что сделано все это для меня. Все учли:

и то, что руки у меня постоянно мерзнут, и то, что не люблю далеко идти пешком, и даже то, что, садясь с ноутбуком, нравится мне иногда закинуть ноги куда-нибудь повыше. Или лечь, накрыв коленки теплым одеялом.

То ли это злая шутка воображения, то ли Бог рисовал выкройку мира, поглядывая на меня. Второе, конечно, маловероятно, но где-то в глубине души хочется в это верить. Может, из чувства собственной уникальности, а может, просто для того, чтобы личное одиночество чувствовалось не так остро. Потому что если где-то там сидит всемогущее существо и думает обо мне, создавая миры, то жить не так страшно. И уже не так сильно гнетет нелепая бытовуха с малопонятным смыслом: нудная работа, низкая зарплата, очереди за документами, дорогостоящие права, шумные соседи, ублюдки в подъездах, взятки врачам и учителям сына, воры в правительстве, быстро стареющая жена и полная беспросветная неуверенность в своем будущем. А при наличии Бога во всем этом можно уже находить какой-то высший сакральный смысл.

Так и проживаем свою жизнь в мире, похожем на анонимную книгу о нас. А знаешь, иногда хочется узнать что-то еще: чем живут другие люди, как приходят к совсем иным выводам и почему так верят в них. Но очередной шарф из натуральной верблюжьей шерсти переводит эти мысли в другое русло, привычное до незаметности. Я давно уже такой хотел. Знали чем порадовать. Хотя где-то теплится опасение, что от такого взгляда на мир до теории вселенского заговора – рукой подать.

Только вот почему-то этот вездесущий автор иногда пишет грустные вещи. Ты счастлива, возлюбленная жена, скажи мне? Почему я замечаю в твоих глазах печаль и усталость? Знаешь, просто хочется счастья, и я иду на работу, чтобы ты могла съездить на море, ты так давно хочешь на море. Я иду на работу, день за днем оставляя тебя в одиночестве, в путанице проблем и забот, о которых ты научилась молчать, чтобы не портить то короткое время, отведенное нам побыть вдвоем. Но иногда мне становится очень страшно, что на долгожданное море в итоге приедут два чужих и малознакомых друг другу человека. А я ведь люблю тебя. И тогда любил, когда просил

тетрадку с лекциями и якобы случайно пытался коснуться руки. И тогда, когда стояла ты, счастливая, в красивом белом платье с цветами в руках, а вокруг крутились твои подруги, никак не давая мне подойти. И тогда, когда лежала ты растрепанная, потолстевшая, с тяжелыми чертами лица, измененными пережитой болью, а на твоей груди ворочался и пищал живой комочек – наш с тобой сын. И сейчас люблю тебя, повзрослевшую женщину, подходящую к старости, видя ту смешную студентку в оранжевом свитере, неземного ангела с белыми крыльями фаты за спиной и ласковую мать моего ребенка. Люблю и не хочу стать тебе чужим.

Как это странно, когда столько прожито вместе, когда столько могу сказать тебе о том, что было, что видел я, что чувствовал. Просто наклониться к уху и рассказать все. Но я теряюсь, молчу, снова ухожу на работу, и ты молчишь, уже давно ничего не ждешь, а незнакомые люди пишут и пишут о нас с тобой в газетах, книгах, журналах, рассказывают по телевизору, шепчут по радио. Все то, что должен был сказать я, словно бы читая мысли и переступая через мое неловкое молчание с каким-то равнодушным цинизмом. А я говорю им спасибо. Спасибо, что заглянули в душу, одну из тысяч точно таких же душ. Спасибо, что нашли время расковырять банальность наших судеб, ткнуть лицом в скуку и утешить слабой надеждой. Спасибо, что сказали этой бесконечно уставшей, любимой мною, но все же одинокой женщине то, что я сказать не смог. И эти постоянные «спасибо» я натягиваю смирительной рубашкой на собственную совесть, бастующую против взаимного молчания, поселившегося в нашем доме. Конечно, они все скажут за нас. Ты счастлива, жена моя?

Пока юношеские мечты об идеальной семье искалеченными личинками уползают из души, я иду по улицам города и всматриваюсь в витрины, видя в них то, к чему так стремился когда-то. Вот же она, эта идеальная семья. Скалится выбеленными до зеркальности зубами, растекается толстым слоем счастья по мокрым от дождя рекламным стендам, подмигивает красивыми лицами случайным прохожим. А у меня зубы желтые, на верхнем кариес разросся до размеров отхожей ямы и пахнет точно так же, лицо отекает

шее, серое, грубое, здоровье хромает на обе ноги и спотыкается на жизненных поворотах. И снова проскакивает шальная мысль: вот они, продавцы счастья человеческого, торговцы моими несбывшимися мечтами. Может, еще не поздно все исправить и стать теми на картинках с непроходящим солнечным утром? Заглянули в меня, поняли, чего я хочу. Начинаю шарить рукой в кармане, уже готовый заплатить любые деньги за радость в красивой упаковке, и вспоминаю про море. Нельзя, пока нельзя. Может быть потом, может, еще успею.

Потом. Когда-нибудь потом мы будем счастливы. Потом я почищу стиральную машину, жена давно уже просит. Потом я доделаю ремонт в ванной, и отражение в запотевшем зеркале после душа перестанет так сильно пахнуть плесенью. Потом я сяду со своим сыном, выслушаю всю его жизнь и обязательно пойму. Потом я научусь играть на гитаре и заново смогу очаровать свою любимую красивой романтикой, похожей на ту, что так часто показывают в женских фильмах о любви. Потом я прочту все запланированные книги и поражу своим умом и эрудицией коллег на работе. И так каждый день мы откладываем свою жизнь на потом. Мы откладываем на потом самих себя. Раз за разом. Но беда в том, что в какой-то момент гонки за будущим ты вдруг смотришь на свои руки: неумолимо стареющие, слабые, немощные, и понимаешь, что твое «потом» никогда не наступит. Что оно ни у кого никогда не наступает. Живет, живет, маячит где-то на горизонте, щедро пичкает надеждой, а потом вдруг превращается в жесткое «поздно» и проступает жилистым приговором времени на старческих руках.

На работе снова задерживаюсь – вранье это все, что рабочий день заканчивается в семь. Официально-то да, но вот подойдет начальник и скажет – делай. И я делаю, что мне остается? Дома ждет жена, любимая моя, но я никогда не пойду и не скажу, что время уже позднее. У всех жены, дети, но все сидят, и каждому не хочется быть хуже других. Даже не потому, что не найти другой работы, а потому, что в эту уже столько сил, столько времени и нервов вложил, что выросла она в меня напрочь. Обрел какой-то иллюзорный островок надежности, уверенность, что смогу купить сыну учебники и жене бусы,

вроде зарплату уже повысили, вроде повышение уже не так далеко, а начинать все заново... Поздно мне уже начинать заново, потому что учебники и бусы сейчас нужны, хлеб и молоко на кухне тоже сейчас нужны, а не тогда, когда найду я работу по душе. Сажу и медленно варю в себе раздражение.

Еще коллега у меня есть, это отдельная история. Он идиот. Но не просто идиот, а идиот, начисто лишенный совести. Зато наделенный большой наглостью. Бывает, вот так просидишь допоздна неделю, все сделаешь, сяду в волосы посеешь, а он пойдет к начальнику и скажет, что это его заслуга. Или не скажет, но промолчит так, чтобы начальник точно понял, кто тут молодец. И ничего уже не скажешь, он по званию выше, что с таким подходом не удивительно, и послушают его, а не меня. А про меня в личном деле напишут: "неуравновешен, склонен к конфликтам, завистлив". Молчу, сжимаю зубы, и кажется мне, что осыпаются они горьким песком в горло. Сухим, скрипучим, больно колющим в животе и подкатывающим тошнотой.

Потом иду домой, ветер бьет в ребра, а во мне ширится чувство какой-то парусности. Словно именно сейчас, стоит лишь слегка подпрыгнуть – и полечу я в небо. Туда, где облака мнутся, сжевываются, пожирают друг друга и рожают новые. Так и полечу – нелепым воздушным шаром в грязных ботинках с портфелем в руке. Буду смотреть сверху на свой офис, махну рукой коллеге-идиоту, увижу Африку, настоящих слонов, а потом упаду в океан и растворюсь большим куском соли. И чувство это такое сильное, почти как уверенность. Вот только не прыгну я. Потому что не полечу. А прыгающий на улице мужчина моих лет смотрится глупо. Так и иду дальше, а неосуществленный этот прыжок скручивает мерно зудящее раздражение в тугую пружину, натягивает курок будущего.

Прихожу домой и вижу жену. Первое желание – подойти, обнять, рассказать, как скучал я по ней весь этот долгий день, как хотел прийти раньше, но не смог. О том, как ветер превращает человека в парусник, и я хотел бы лететь в Африку вместе с ней. Но я молчу. И она молчит. В ее молчании я угадываю обиду – с сыном опять времени не провел, ее одну бросил. Опять, опять, опять. Мне бы просто поцеловать ее, утешить, но натянутая пружина наконец-то